

Paola Buoncristiano
Королевский гамбит:
Екатерина II и шахматный автомат фон Кемпелена

Да брала Катерина та доску хрустальную,
Шахматы брала серебряные,
Да начали играть а с ним во шахматы.
«Чурила и Катерина». Былина

В своих «Размышлениях о проекте истории России XVIII века» Екатерина II заметила: «Я положительно высказываю, что не люблю ни статуи, ни истории живых государей: это дело потомства»¹. И действительно, спустя много лет потомство почувствовало себя призванным к созданию мифа об императрице — мифа, питаемого исходящими из самых разных источников импульсами: от академической науки до беллетристики, от кинематографа до ролевых игр; к этому мифу и мы хотели бы добавить маленькую, но весьма любопытную деталь.

В эпоху Екатерины родился второй герой нашей истории, ставший знаменитым во всем мире, поскольку, не будучи человеком, он сравнялся с людьми и даже превзошел их в игре, интеллектуальной по преимуществу, в королевской игре — в шахматах.

Как только что замечено, шахматы — это игра королей, и поэтому не стоит удивляться, что наша история разворачивается в основном при дворах европейских монархов, в том числе и при русском.

© Paola Buoncristiano, 2014.

© TSQ № 50. Fall 2014.

¹ Екатерина Великая об истории России / Публ. [вступ. ст. и примеч.] А. К. Афанасьева // Российский Архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв.: Альманах. М.: Студия ТРИТЭ: Рос. Архив, 2005. С. 662.

При королевском дворе, а именно, при дворе австрийской императрицы Марии-Терезии, сформировалась личность Вольфганга фон Кемпелена (1734—1804), придворного советника Империи, изобретателя, писателя, рисовальщика и механика, который во второй половине XVIII в. стяжал как благосклонность своей повелительницы, так и славу, вышедшую за границы Австро-Венгрии и сделавшую его не только одним из излюбленных объектов салонной болтовни, но и поводом для ученого философствования о границах между живой и неживой природой². Мы — в XVIII столетии, эпохе Просвещения, в золотом веке отважных механиков, подобных французу Вокансону и швейцарцам Жаке — Дрозу, создателям автоматов, которые, казалось, действительно ожили и преуспели в подражании многим видам человеческой деятельности: письму, хождению, игре на музыкальных инструментах... Единственное, чего не хватало коллекции псевдоживых механизмов, был мыслящий автомат — именно этот вызов и был принят фон Кемпеленом. Осенью 1769 г. фон Кемпелен был призван ко двору, чтобы ассистировать на выступлении французского иллюзиониста по имени Пеллетье³. По окончании представления фон Кемпелен объ-

---

² О фон Кемпелене см.: *Reininger A. Wolfgang von Kempelen. A Biography.* New York: Columbia University Press, 2012; *Windisch K. G. von. Briefe über den Schachspieler des Herrn von Kempelen.* Basel, 1783 (к этому источнику восходят замечания о первых демонстрациях шахматного автомата); *Levitt G. M. The Turk, Chess Automaton.* Jefferson: McFarland & Company, 2000; *Standage T. The Turk. The Life and Times of the Famous Eighteenth-century Machine.* New York: Walker & Company, 2002; *Carroll Ch. M. The Great Chess Automaton.* New York: Dover, 1975. О шахматном автомате и его эпопее см. также: *Walker G. Chess & Chess Players consisting of original Stories and Sketches.* London: Charles J. Skeet Publisher, 1850. P. 1—37; *Cook J. W. The Arts of Deception.* Cambridge (MA): Harvard University Press, 2001. P. 30—72; *Woods G., Edison Eve. A Magical History of the Quest for Mechanical Life.* New York: Anchor Books, 2003. P. 60—110.

³ Некто Франсуа Пеллетье действительно существовал: во второй половине XVIII в. в Париже он устраивал представления механизмов в балагане, сгоревшем во время пожара на Сен-Жерменской ярмарке в 1762 г.; впоследствии он открыл вблизи Пале-Рояля «механический кабинет», в котором среди прочего показывал автоматического флейтиста и читал лекции по занимательной физике. См.: *Campardon E. Les spectacles de la foire: théâtres, acteurs, sauteurs et danseurs de corde, monstres, géants, nains, animaux curieux ou savants, marionnettes,*

явил, что он готов создать автомат, самый поразительный из всех доселе известных. Несколько месяцев спустя он представил свое творение императрице: это была фигура из дерева в натуральную величину, задрапированная, согласно экзотической моде эпохи, в восточные одежды и увенчанная тюрбаном, сидящая за письменным столом, инкрустированная крышка которого изображала шахматную доску; в правой руке фигура держала длинную трубку, а левая, которой она играла в шахматы, покоилась на подушке.

Гостям, приглашенным присутствовать на этом представлении, Вольфганг фон Кемпелен объявил, что создал механизм, отличный от всех других: шахматный автомат, механизм, способный разрабатывать стратегию игры, взаимодействовать с партнером и реагировать на его действия.

Свою первую партию «Турок» (как его стали называть впоследствии) сыграл с одним из придворных сановников, и закончилась она полной победой автомата.

Начиная с этого момента фон Кемпелена стали приглашать представить своего шахматиста другим придворным и членам императорской фамилии. Слава Турка быстро разнеслась по всей Европе, породив мириады гипотез, призванных объяснить устройство автомата: одни полагали, что внутри механизма скрыт человек, ребенок или даже обезьянка (в то время был весьма распространен слух о том, что султан Багдада является счастливым обладателем обезьяны, способной играть в шахматы), другие были убеждены, что конструктор автомата каким-то способом на расстоянии управляет движениями руки Турка, однако ни одна из этих гипотез не была в то время доказана.

Славу Турка питали сообщения — истинные или вымышленные — о его партиях с лучшими европейскими шахматистами, такими, как французский маэстро Филидор, а также с великими людьми эпохи: Бенджамином Франклином, Фридрихом II Прусским, английским королем Георгом III и Наполеоном.

---

automates, figures de cire et jeux mécaniques des foires Saint-Germain et Saint-Laurent, des boulevards et du Palais-Royal, depuis 1595 jusqu'à 1791. Paris: Berger-Levrault, 1877. V. II. P. 224; *Thiéry M.* Guide des amateurs et des étrangers voyageurs à Paris. Paris: Hardouin & Gattey, 1787. V. I. P. 495.

Для того чтобы поддержать свою славу, Турок, гроссмейстер королевской игры, действительно должен был представляться к королевским дворам Европы и бросать вызов монархам, которые пользовались репутацией страстных и опытных шахматистов, как, например, Фридрих II Прусский, якобы сразившийся с Турком в шахматы в 1784 или 1785 г. Согласно одним источникам, немецкий монарх был достаточно искусным шахматистом для того, чтобы сыграть по переписке длительную и сложную партию с Вольтером; согласно другим мнениям он совсем не умел играть в шахматы, в чем и признавался своему племяннику⁴. Из всех этих полудеядарных партий, слухи о которых начали циркулировать по Европе в первые десятилетия XIX в., наибольшего внимания заслуживает партия с Наполеоном — не только потому, что он действительно был страстным шахматистом, но и потому, что этот эпизод его биографии зафиксирован в мемуарах его камердинера⁵. Согласно этому свидетельству, Наполеон, во время партии попавший в затруднительное положение, якобы умышленно поставил фигуру в недопустимую позицию, а Турок вернул ее на исходную клетку; когда же Наполеон вновь дважды попытался смошенничать, Турок одним движением руки смел с доски все фигуры. Предание это утверждает, что Наполеон особенно оценил свойственный Турку дух неповиновения.

В этот строй европейских государей, которые, возможно, развлекались общением с шахматным автоматом, не могла не войти Екатерина II, предполагаемый персонаж сюжета, достойного пера Александра Дюма. Но прежде чем говорить об этом сюжете, необходимо сделать в скобках краткое замечание о склонности Северной Семирамиды к игре вообще, поскольку любопытство побудило нас попробовать выяснить, такой ли

---

⁴ О шахматных способностях Фридриха II см.: *Walker G. Op. cit.* P. 20—21; противоположное мнение изложено в: *Thiébauld D. Frédéric-le-Grand, sa famille, sa cour, son gouvernement, son académie, ses écoles, et ses amis, généraux, philosophes et littérateurs: ou, Mes souvenirs de vingt ans de séjour à Berlin.* Paris: A. Bossange, 1827. V. II. P. 304.

⁵ См. об этом: *Wairy C. Mémoires de Constant, premier valet de chambre de l'empereur, sur la vie privée de Napoléon, sa famille et sa cour.* Paris, 1830. T. IV. P. 193—194.

страстной шахматисткой была императрица, как это явствует из посвященных ей биографических материалов. Из камер-фурьерских журналов прежде всего явствует⁶, что Екатерина II проводила почти каждый вечер за картами: чаще всего это была одна из наиболее популярных игр — макао, но императрица играла также в берлан, ломбер и вист. Несколько раз отмечены сыгранные ею партии в бильярд; летом, в Царском Селе, императрица играла в волан. Что же касается шахмат, то и здесь камер-фурьерский журнал позволяет с достаточной степенью уверенности реконструировать привычки Екатерины. В течение длительного периода (в частности, начиная с 1774 г.) партия в шахматы постоянно присутствует в ее распорядке дня преимущественно утром, по возвращении с церковной службы и перед обедом, чтобы оставить вечер для более светской игры в карты; в последние годы ее царствования это развлечение уступило место другому времяпрепровождению.

Далее, шахматы были неотъемлемой принадлежностью ритуалов официального визита или встречи с иностранными государями. Это обстоятельство зафиксировано в связи с визитами в Россию принца Генриха Прусского в 1770 и в 1776 гг., хана Крымского в 1772 г., Густава III Шведского в 1777 г., а также в связи с переговорами русской императрицы с королем Шведским в Хамине (в то время город назывался Фридриксхамн) в 1783 г. Почти постоянной привычкой императрицы было сидение за шахматной доской во время продолжительных периодов пребывания при дворе эвентуальных супруг великого князя Павла Петровича (1773 и 1776 гг.) и несколько позже — его старшего сына Александра (1792—1793 гг.). Необходимо, однако, заметить, что императрица предпочитала весьма специфический вид шахматной игры вчетвером на специальной шахматной доске в 192 клетки, что удостоверяется также шкатулкой с 80 фигурами (для четверых игроков), подаренной ей в 1780-х гг. тульскими мастерами и ныне хранящейся в Государственном Эрмитаже.

---

⁶ См.: Камер-Фурьерский церемониальный журнал за 1763—1796 гг., из которого почерпнуты приведенные ниже сведения.

Для этих партий, которые игрались двое на двое, у императрицы были избранные партнеры, среди которых выделялся своим усердием князь Александр Михайлович Голицын, общепризнанный партнер Екатерины в карточной игре, очевидно, сохранявший эту привилегию и в случае с шахматами. Среди других придворных сановников, которые играли в шахматы с Екатериной, нельзя не упомянуть и таких ее партнеров, как князь Александр Алексеевич Вяземский, граф Иван Григорьевич Чернышев, граф Кирилл Григорьевич Разумовский и граф Александр Сергеевич Строганов — этот последний в 1796 г. организовал в своем загородном имении партию в «живые шахматы» по случаю визита в Россию короля шведского Густава IV. Парадоксальным образом в списке имен придворных игроков в шахматы отсутствует имя Григория Потемкина, чья легендарная страсть к королевской игре послужила одной из иронически-характерологических деталей в эпиграмме на Потемкина, принадлежащей перу генерала Александра Суворова:

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет.
Одной ногой разит он друга и врага,
Другую топчет он вселенны берега⁷.

Возможно, императрица предпочитала партнеров, достаточно ловких для того, чтобы помочь ей в игре, но ловких лишь настолько, чтобы она могла обвинить их в случае поражения. Тем не менее, искреннее удовольствие, которое Екатерина получала от игры в шахматы, не подвержено сомнению и, следовательно, существует возможность предположить, что шахматный автомат фон Кемпелена вызвал ее любопытство, подкрепленное, как и у других европейских государей, свойственным эпохе в целом интересом к изобретениям механиков. Известно, в частности, что императрица щедро одарила механика Ивана Кулибина за созданные им золотые часы яйцевидной формы, снабженные

---

⁷ См.: *Замостьянов А.* Великий Суворов и суворовский образ в отечественной культуре. М.: Эра, 2000. С. 47; *Допатин В. С.* Светлейший князь Потемкин. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 233.

изысканным музыкальным механизмом, представлявшим собой своего рода механический театр в миниатюре⁸.

Но вернемся к предполагаемой встрече Екатерины II с Турком фон Кемпелена. Первая версия этой истории принадлежит Жану-Эжену Робер-Гудену, знаменитому иллюзионисту XIX в., который изложил ее в своих мемуарах, изданных во Франции в 1859 г.⁹, и она стоит того, чтобы ее коротко изложить.

История Робер-Гудена берет свое начало в Риге, где в 1776 г. вспыхнул бунт польских офицеров против русских. Во главе восставших стоял офицер по имени «Воруский» («Worousky»). Тяжело раненный в ноги, он все же смог скрыться от преследования и добраться до дома своего друга, некоего доктора «Ослоффа». Чтобы спасти раненому жизнь, медик был принужден ампутировать ему обе ноги. В этот момент на сцене появляется фон Кемпелен, едущий в Россию с образовательными целями и решающий по дороге навестить своего старинного друга Ослоффа. Русский медик в большом затруднении: он искренне привязан к польскому офицеру, но в ужасе от того, что он прячет разыскиваемого преступника.

Эти обстоятельства внушают фон Кемпелену идею сконструировать шахматный автомат, посредством которого он может помочь Ворускому покинуть Россию. Физическая конституция польского офицера, лишенного ног и обладающего выдающимся шахматным талантом, действительно идеальна для того, чтобы спрятать его внутри «автомата», который фон Кемпелен берется сконструировать всего лишь за три месяца. Друзья решают покинуть пределы России, но во избежание возможных подозрений организуют несколько представлений

---

⁸ Раскин Н. М. Иван Петрович Кулибин. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 66. Этот факт занесен и в Камер-Фурьерский церемониальный журнал за 1769 г. под датой «1 апреля»; в двух других случаях императрица тоже щедро наградила Кулибина за механизмы его изобретения. На портрете работы Петра Веденецкого (около 1818 г.), ныне находящемся в московском Историческом музее, Кулибин изображен сидящим за столом с циркулем в руке, а рядом лежат знаменитые часы-яйцо.

⁹ Robert-Houdin J.-E. Confidences d'un prestidigitateur. Une vie d'artiste. Paris: A. Bourdillait et Ce., 1859. T. I. P. 253—272.

в разных городах, в том числе в Витебске, где их и настигает высочайший рескрипт, в котором Екатерина предлагает им немедленно отправиться в Санкт-Петербург. Встреча между автоматом-Воруским и Екатериной II происходит в дворцовой библиотеке, в присутствии всего двора. Приведенная в затруднение мастерством «искусного мусульманина», Екатерина дважды пытается смошенничать, но бесстрашный автомат не дает себя запутать и в раздражении одним жестом сметает с доски все фигуры. Однако в отличие от оробевшего фон Кемпелена Екатерина отнюдь не смущена дерзостью автомата — напротив, ей импонирует его чувство собственного достоинства, и она хочет оставить автомат при себе, каковое предложение изобретатель по вполне понятным причинам вынужден, хотя и с извинениями, но все же отвергнуть. Друзья благополучно покидают Россию, и несколько месяцев спустя Турок уже гастролирует по Англии.

Как это совершенно очевидно, поведенная Робер-Гуденом история содержит ряд несообразностей, которые только подтверждают общеизвестное недоверие, питаемое историками к его мемуарам. Прежде всего, это анахронизм: иллюзионист приурочивает изобретение автомата к 1776 г. — то есть почти на 6 лет позже того момента, когда состоялся дебют автомата фон Кемпелена при дворе Марии Терезии¹⁰. Другая нестыковка — это маршрут, которым фон Кемпелен, Ослофф и Воруский покидают Россию (Тула, Калуга, Смоленск и Витебск) — таким путем они могли следовать только из Москвы, но никоим образом не из Риги; столь же маловероятным кажется и факт способности фон Кемпелена сконструировать такой сложный автомат всего в течение трех месяцев, тем более если учесть, что в чужой

---

¹⁰ По поводу времени создания шахматного автомата помимо ссылки на данные, приводимые фон Виндишем (см. примечание 2) стоит упомянуть, что уже в июле 1770 г. преподобный аббат Луи Дютан написал в английский журнал «Gentleman's Magazine» письмо, в котором изложил свои впечатления о Турке фон Кемпелена. О сомнительной достоверности мемуаров Робер-Гудена см.: *Chapuis A., Gélis E. Le monde des automates. Genève: Edition Slatkine, 1984. V. II. P. 198, 259, 281, 298—301; Metzner P. Crescendo of the Virtuoso. Berkeley: University of California Press, 1998. P. 198—199; Standage T. Op. cit. P. 94—95.*

стране крайне сложно было бы раздобыть все необходимые инструменты и материалы; наконец, ясно как день и то, что рассказанная Робер-Гуденом история шахматной партии автомата и царствующей персоны является калькой вышеупомянутого предания об игре Турка с Наполеоном.

Еще до «свидетельства» Робер-Гудена автомат фон Кемпелена начал появляться в литературных произведениях: например, в комедии Генриха Бека «Die Schachmaschine» («Шахматный автомат», 1795) и в новелле Э.-Т.-А. Гофмана «Автоматы» (1812), в которой, впрочем, Турок является не шахматным автоматом, а автоматом-предсказателем; через несколько лет после выхода в свет мемуаров Робер-Гудена была опубликована комедия Дж. Уокера «Modus Operandi, или Шахматный автомат» («Modus Operandi, or the Automaton Chess-Player», 1866), в которой, как и в вышеупомянутой пьесе, шахматный автомат является своего рода «тройным конем», при помощи которого герой проникает в дом своей возлюбленной.

Сплетенная французским иллюзионистом интрига, а вернее — сочиненный им подлинный миниатюрный авантюрный роман, тем не менее, пользовался длительным успехом. В 1868 г. на одной из парижских сцен, а именно, в театре Амбигю-Комик, прошел спектакль по пятиактной пьесе Жюль Адени и Октава Гастино «Царица» («La Czarine»), в которой по канве Робер-Гудена были вышиты новые узоры: сюжет обогатился новыми действующими лицами и обрел еще более запутанную интригу. В комедии польский патриот «Кристиан Воровски» («Christian Vorowski») является не кем иным, как военным адъютантом и даже фаворитом Екатерины II — эту роль он взял на себя в надежде сделаться заступником Польши перед императрицей, а также чтобы избавиться от воспоминаний о несчастной любви не к кому иному, как к дочери самого фон Кемпелена, Марии. Ослепленная ревностью, Екатерина велит арестовать его за государственную измену, к которой благородного поляка подталкивает экс-фаворит Григорий Орлов. Фон Кемпелену при помощи военной хитрости удается организовать побег Воровски и спрятать его внутри шахматного автомата, который он как раз в этот момент создает. Поскольку Екатерина продолжа-

ет питать нежные чувства к Воровски, Орлов решает подстрекнуть на бунт против императрицы Емельяна Пугачева. В этих обстоятельствах фон Кемпелен и Воровски предлагают Екатерине свои услуги и обращают бунтовщиков в бегство ловким трюком фон Кемпелена, повергнувшего их в ужас якобы вызванным им призраком Петра III. Разумеется, пьеса заканчивается браком Воровски и Марии фон Кемпелен с благословения императрицы.

Менее чем через 30 лет очередь на дальнейшую разработку сюжета дошла до английской писательницы Шейлы Брейн, плодотворной создательницы авантюрных романов, написавшей роман под названием «Турок-автомат. История из времен Екатерины Великой» («The Turkish Automaton. A Tale of the Time of Catharine the Great», 1894). В романе британской писательницы, изобилующем персонажами и деталями, которые свидетельствуют о некотором знакомстве автора с русской реальностью времен Екатерины, у барона де Кемпелена есть сын Рудольф, а его друг доктор Ослофф имеет брата Василия, который вот уже несколько лет заключен в Петропавловской крепости; Ослофф, ненавидящий русских в том числе и по этой причине, готов помочь героическому польскому патриоту, капитану «Казимиру Воруски» («Casimir Worowski»). Естественно, интрига развивается таким образом, чтобы ее развязка ознаменовалась шахматной партией между Екатериной II и автоматом-Воруски. Однако в случае с английской версией сюжета Воруски решает предпринять саморазоблачение и воззвать к милосердию императрицы, прося в обмен свободы для брата доктора Ослоффа. Екатерина II дарует свободу брату Ослоффа и позволяет Воруски и фон Кемпелену покинуть Россию.

В 1926 г. история Екатерины II и ее партнера-Турка вновь возвращается во Францию в романе Анри Дюпуи-Мазеля «Игрок в шахматы» («Le Joueur d'échecs»). Свою фантастическую интригу французский писатель тоже сплел вокруг шахматной партии между императрицей и автоматом, центрального эпизода предания, развитого по уже известному нам сценарию: Екатерина пытается сплутовать, Турок теряет терпение и опрокидывает доску. Однако в этой версии сюжета Екатерина вовсе не забав-

ляется дерзостью Турка, но объявляет как бы в шутку, что автомат будет застрелен во время сегодняшнего вечернего бала-маскарада. Однако тяжелая рана поразит не кого иного, как фон Кемпелена, заместившего Воровски в недрах автомата; впрочем, в конце концов он спасется благодаря эликсиру, который даст ему Калиостро (разумеется, без Калиостро тут не обойтись, поскольку этот авантюрист *par excellence* был мишенью полемических стрел Екатерины, в том числе и на поприще изящной словесности).

Роману Дюпуи-Мазеля во Франции повезло: он пользовался определенной популярностью, если учесть, что по нему были сняты два фильма (1927, режиссер Раймон Бернар; 1938, режиссер Жан Древилль) и поставлена пьеса (1927, автор инсценировки Марсель Ашар) — все три под тем же самым названием «Игрок в шахматы».

Наконец, поэтический вклад в интерпретацию сюжета, хотя и весьма своеобразный, внес американец Чарлз Хартман, принявший в своем сборнике «Виртуальная муза: Опыты компьютерной поэзии» («Virtual Muse: Experiments in Computer Poetry» 1996) попытку использования компьютерных программ для сочинения стихов. Стихотворение «Неисследованная жизнь» («The Unexamined Life») посвящено Турку фон Кемпелена, и в нем есть фрагмент, посвященный пресловутой партии с русской императрицей: «<...> мановением руки // он наказал Екатерину Великую // за попытку жульничества <...>» («<...> by gesture/ he chastened Catherine the Great/ for trying to cheat — <...>»).

В русском фольклорном эпосе вызов на партию в шахматы был одним из испытаний, которое герои-богатыри должны были встречать лицом к лицу; шахматная партия была своего рода интеллектуальным вариантом традиционного поединка — эта дуэль разворачивалась в тоекратном повторе согласно классической модели утроения действия сказки или былины¹¹. В некоторых былинах — например, о Чуриле Пленковиче, игра

---

¹¹ Как мы помним, Наполеон тоже трижды попытался сделать некорректный ход в партии с Турком.

в шахматы является любовной дуэлью между героем и Катериной Прекрасной, которая, проиграв партию, отбрасывает доску и фигуры в точности так, как это проделал Турок, когда его высокопоставленные противники (Наполеон, Екатерина II) пытались выиграть нечестным путем.

Возможно, русская версия предания о шахматной партии царицы и Турка обязана своим происхождением именно отдаленному эху мотива шахматной дуэли в фольклорных былинных сюжетах. Эта версия, восходящая к концу XIX в., содержит в своем сюжете не только мотивы, сходные с мемуарами Робер-Гудена, но и нечто новое и, можно сказать, поразительное. В книге Михаила Пыляева «Замечательные чудачки и оригиналы» (1898) рассказано, что автомат фон Кемпелена после первого представления в Варшаве 10 октября 1776 г. демонстрировался также в России. Заинтересованная известиями о шахматном автомате, Екатерина якобы выразила желание увидеть его — и даже приобрести. Фон Кемпелену как будто удалось отговориться извинениями от продажи, однако в дальнейшем выяснилось, что «автомат» был мистификацией и что внутри фигуры Турка был скрыт польский аристократ Воронский. Тяжело раненный во время боев эпохи первого раздела Польши, он потерял обе ноги и правую руку (здесь уместно вспомнить о том, что Турок был левшой). Изувеченный так жестоко, поляк поклялся себе никогда больше не показываться в обществе и с этой целью придумал и сконструировал механизм, который позволял ему действовать под личиной шахматного автомата. «Механик» же фон Кемпелен, как утверждает Пыляев, был не более чем ассистентом Воронского.

Пыляевская версия события, еще более фантастичная и невероятная, чем рассказ Робер-Гудена¹² хотя бы потому, что ставит

---

¹² Текст Пыляева не содержит никаких указаний на источники предания. Однако совпадение его основных мотивов с версией Робер-Гудена позволяет предположить, что Пыляев использовал в качестве источника именно мемуары французского иллюзиониста. Насколько мне известно, воспоминания Робер-Гудена ни при его жизни, ни позже не были переведены на русский язык, однако нельзя исключить того, что Пыляев мог ознакомиться с ними в оригинале.

под сомнение такой бесспорный факт как авторство фон Кемпелена, в свою очередь породила новые вариации — а именно рассказ Михаила Осоргина «Шахматный болван» (1934).

К тому, что можно было бы назвать легендой о турке-поляке, Осоргин добавил новый эпизод: некий «князь Г.», искуснейший игрок в шахматы, организует в своем доме партию с автоматом, будучи убежден в том, что автомат управляется извне и что он способен его победить. По окончании двух партий, в которых князь Г. разбит наголову, он в ярости швыряет в автомат своей табакеркой. И тут происходит нечто непредвиденное: Турок чихает. Возможно, князь мог бы поверить и в то, что автомат создан способным даже чихать, но из глубин механизма раздается вопль: «Сними голову, дурак! Глаза мне выело!» Так разоблачен секрет автомата: внутри него скрыт мужественный поляк, гениальный шахматист «Воронский» (перенесший ампутацию двух ног и, в этой вариации сюжета, левой руки), который изобрел чудесный механизм и демонстрирует его при помощи своего «слути» фон Кемпелена.

Из России легенда вновь перемещается во Францию в романе Эльзы Триоле «Душа» («L'âme», 1962)¹³, сюжет которого складывается вокруг семейной истории механика-самоучки Луиджи Петраччи. Его отец якобы приобрел Турка в начале XX в., и это обстоятельство становится опорным пунктом для изложения истории шахматного автомата. Хотя писательница недвусмысленно придерживается повествовательной канвы мемуаров Робер-Гудена, она все же прибавляет к ней нечто новое: в частности, фон Кемпелен становится у нее уроженцем Петербурга, впоследствии призванным ко двору Марии-Терезии Австрийской по причине своей славы механика, а героизм польского аристократа «Вронского» («Vronskij»), усугублен непоколебимым спокойствием, с которым он призывает доктора для ампутации ног, и бесстрашием даже в момент операции.

Напоследок можно упомянуть еще две вариации этой легенды, в которых герой-поляк отсутствует. Первой из них является

---

¹³ См. также: Эдельберг Э. Герой и сюжет (Из архива Эльзы Триоле) // Берега Тавриды, 1995. № 4—5. С. 260—261.

рассказ писателя и шахматиста Евгения Загорянского «Великий Турок» (1962), в котором повествуется о том, что фон Кемпелен был призван Платоном Зубовым, а Потемкин решил раскрыть секрет автомата, чтобы скомпрометировать нового фаворита и вернуть себе благосклонность императрицы; вторая, относящаяся к недавнему времени, принадлежит экс-чемпиону мира по шашкам Владимиру Лангину: в его романе «Легенда о шахматном автомате» (1993) внутри механизма (имеющего вид индейца, а не турка) скрыт незаконный сын фон Кемпелена. Во время шахматной партии Екатерина II просыпает понюшку табаку на голову автомата, что и становится причиной обнаружения человека, скрытого в недрах механизма.

До сих пор мы говорили о произведениях изящной словесности. Однако весьма любопытно то, что история предполагаемой партии Екатерины II и Турка нашла отражение в специальной литературе об автоматах и роботах, в энциклопедических статьях, в специальной шахматной литературе и совсем недавно — в труде, посвященном трехсотлетию основания Петербурга¹⁴. Что же касается массовой литературы, то и в ней наша история продолжает пользоваться огромным успехом, о чем свидетельствуют два вышедших в 2013 г. тома: «100 великих афер» И. А. Мусского (глава «Механический шахматист Фаркаша Кемпелена») и «Великие исторические сенсации. 100 историй, которые потрясли мир» Е. Коровиной (глава «Шахматная сенсация, или как сыграть с Екатериной Великой, Наполеоном и Гарри Каспаровым»).

Стоит ли говорить о том, что в этих столь разных источниках варьируются даты гипотетического происшествия (1776, 1777, 1780, 1787, 1796), последовательность и содержание его эпизо-

---

¹⁴ См.: *Теплов Л.* Две маленькие тайны старых автоматов // *Техника — молодежи*, 1971. № 9. С. 40; *Голдовский Б.* Куклы. М.: Время, 2004. С. 342 — здесь, без ссылки на источник, воспроизведена версия Пыляева; *Grand dictionnaire universel du XIX siècle*. Paris: Administration du grand dictionnaire universel, 1867. S.v. *automate*; *Encyclopaedia Britannica*, XI ed. New York: Cambridge University Press, 1910. S. v. *conjuring*; *Линдер И. М.* Шахматы на Руси. М.: Наука, 1964. С. 148; *Кошель П. А.* Столица Российской империи. История Санкт-Петербурга второй половины XVIII века. М.: Рубежи XXI, 2007. С. 199.

дов, а также фамилия благородного польского патриота (Воруски, Воруский, Воронский и даже, как мы видели — à la Толстой: Вронский). Нелишне, однако, заметить, что во многих случаях второстепенные детали соответствуют историческим фактам и, следовательно, призваны придать убедительность самой нашей невероятной истории (например, в вышеупомянутой книге Е. Коровиной, относящей встречу Екатерины с Турком к 1780 г., упомянута фрейлина Екатерины, графиня Ланская — реальное историческое лицо).

Следует заметить, однако, что Россия действительно сыграла важную роль в судьбе шахматного автомата. Для самого фон Кемпелена создание Турка было проходным эпизодом, о котором он вскоре и думать забыл, посвятив себя иным, более серьезным проектам — например, созданию говорящего механизма, законченного в 1791 г. и ныне экспонирующегося в Deutsches Museum в Мюнхене.

Действительно, после 1773 г. Турок-шахматист был демонтирован и забыт на несколько лет — вплоть до того момента, как зимой 1781 г. в Вену прибыли с визитом великий князь Павел Петрович с женой Марией Федоровной, которые путешествовали инкогнито под псевдонимом «Граф и графиня Северные».

Во время венского визита русского престолонаследника император Иосиф II не щадил усилий ради того, чтобы оказать графу и графине Северным роскошный прием и дать им возможность полюбоваться древними и новыми редкостями, среди которых, разумеется, не мог не присутствовать Турок-шахматист, воскрешенный специально для этого случая.

Газета «Wiener Zeitung», печатавшая подробные отчеты о пребывании будущего императора Павла I и Марии Федоровны в Вене, по этому поводу поместила следующую заметку:

По просьбе их Высочеств венгерский придворный советник г-н фон Кемпелен извлек на свет свой шахматный автомат, созданный двенадцать лет назад и уже повсеместно известный благодаря некоторым иностранным газетам; нынче в семь часов ввечеру он имел честь представить автомат Его Величеству Императору и его высокопоставленным гостям

в отведенных им дворцовых покоях. Графиня Грэннланд сыграла полную патрию с этим механизмом, и хитроумное изобретение удостоилось высочайших рукоплесканий¹⁵.

Несколько дней спустя граф и графиня Северные попросили вновь продемонстрировать механизм фон Кемпелена для их свиты и для графини Грэннинген, матери Марии Федоровны.

Заметка об этой демонстрации шахматного автомата графу и графине Северным появилась 15 января 1782 г. в газете «*Journal historique et littéraire*»:

Г-н де Кемпелен, придворный советник, по национальности венгр, в последнее десятилетие получивший известность благодаря изобретенному им шахматному автомату, января 7 числа ввечеру имел честь привести его в действие в присутствии Его Величества Императора и его высокопоставленных гостей: г-жа графиня Северная удостоила сыграть партию в шахматы с этим автоматом и изъявила ему свое полное удовлетворение.

Спустя столетие П. Гашар, член бельгийской Академии наук и изящных искусств, представивший в 1872 г. доклад о путешествии графа и графини Северных в Нидерланды, описал в нем и этот венский эпизод, очевидно, по его мнению, достойный упоминания вследствие его необыкновенности:

Советник фон-Кемпелен, Венгерец по происхождению, изобрел автомат, который играл в шахматы; 7-го Декабря великая княгиня пожелала сыграть партию с этим автоматом. Неизвестно однако, кто выиграл¹⁶.

Таким образом, пребывание великого князя Павла Петровича и его супруги в Вене дало импульс вторичному всплеску ин-

---

¹⁵ Wiener Zeitung, 99, 12 декабря 1781. P. 7.

¹⁶ Доклад Гашара через несколько лет был переведен на русский язык, см.: Гашар Л. П. Граф и графиня Северные в Нидерландах // Русский архив, 1876. Кн. 2. Вып. 5. С. 46. В русских источниках, посвященных путешествию Павла I и Марии Федоровны, эпизод демонстрации Турка великокняжеской чете не упоминается.

тереса к шахматному автомату, и успех, который снискало у них это изобретение, положил начало новой волне популярности забытого было Турка: с соизволения Иосифа II в январе 1783 г. автомат отправился в почти двухгодичное европейское турне, проходившее в некоторых городах Германии, затем в Париже и закончившееся в Лондоне.

В те годы и еще много лет спустя выступления Турка дали повод для многочисленных дискуссий о способности механизма мыслить. На эту тему высказывались ученые, журналисты и даже только начинавший тогда свой творческий путь Эдгар Аллан По, который дедуктивным методом, впоследствии блистательно развернутым в рассказе «Убийства на улице Морг», пришел к заключению, что инженерный гений фон Кемпелена выразился главным образом в том, что ему удалось скрыть человека внутри своего творения незаметным для зрителей образом¹⁷.

Секрет шахматного автомата был раскрыт только в конце 1830-х гг.: как и подозревали очень многие, механического игрока в шахматы контролировал человек, спрятанный внутри письменного стола и оперирующий пантографом и другими хитроумными механизмами¹⁸.

После того, как автомат был приобретен Иоганном Непомуком Мельцелем, демонстрировавшим его в Соединенных Штатах, а затем прошел через множество других рук, Турок был забыт и закончил свои дни на складе Китайского Музея в Филадельфии, где и был уничтожен пожаром 1854 г., положившим конец его долгой и полной превратностей карьере.

Однако колдовское очарование автомата фон Кемпелена не пропало и после его исчезновения, но продолжилось на многие

---

¹⁷ См.: Poe E. A. Maelzel's Chess Player // Southern Literary Messenger. April 1836; русский перевод: По Э. А. Шахматный аппарат доктора Мельцеля // По Э. А. Полное собрание рассказов: В 2 т. СПб.: Вита Нова, 2004. В 1850 г. По написал рассказ «Фон Кемпелен и его открытие», в котором приписал венгерскому изобретателю, который стал у него уроженцем Ютики, города в штате Нью-Йорк, открытие философского камня.

¹⁸ В течение ряда лет в недрах Турка действовали разные шахматисты, в том числе мастера высокого класса. См. об этом: Levitt G. M. Op. cit. P. 44—48, 64—80; Wood G. Op. cit. P. 83—92.

годы и длится до сих пор. Достаточно вспомнить об американце Джоне Гоэне, конструкторе специальной аппаратуры для иллюзионистов, который в 1980-е гг. посвятил несколько лет созданию точной копии Турка, законченной в 1989 г.; о немце Роберте Лёре, который предложил новую версию истории фон Кемпелена и Турка в своем романе «Шахматный автомат» («Der Schachautomat», 2005); наконец, о графическом романе американской художницы Джейн Ирвин «Игра с часовым механизмом» («Clockwork Game») — проекте, начатом онлайн в 2007 г. и завершённом в 2013 г., в котором проиллюстрировано выступление Турка в Вене перед великим князем Павлом Петровичем в 1781 г.

История Екатерины II и Турка, следовательно — это история несостоявшейся встречи, которая, однако, дала жизнь множеству анекдотов и бросила свои отблески на литературу и кинематограф как в Европе, так и в России. Популярность этого предания, его долговечность и способность порождать все новые и новые вариации проистекает, как кажется, из соединения многих причин: это экзотический в некотором роде характер места действия — России, это обаяние личности Екатерины II, и — не в последнюю очередь — это присутствие среди персонажей нашей истории образа героического польского патриота, благодаря чему партия в шахматы между императрицей и автоматом приобретает символическое значение партии, разыгранной на шахматной доске всего европейского континента.

*Перевод О. Б. Лебедевой
Томский государственный университет*